Свадебное путешествие Лелика

Автор:
Алекс Экслер

Свадебное путешествие Лелика

Алекс Экслер

Лелик

Самый забавный «литературный путеводитель по Европе» нашего времени! Смешные, увлекательные приключения друзей – Лелика, Славика и Макса – в развеселом Амстердаме, чопорном Брюсселе, великосветски курортном Кнокке и жемчужине готики Кельне. Знаменитый квартал красных фонарей, большая брюссельская свадьба и, как ни странно, Музей Ван Гога. Все это – и многое другое – в новой повести писателя номер один отечественного Интернета Алекса Экслера! «Отец-создатель» легендарных «Записок кота Шашлыка» и «Записок невесты программиста» снова с нами!

Алекс Экслер

Свадебное путешествие Лелика

Предложение

Пьянка, как говорится, была уже на излете. Это означало, что все уже порядочно набрались, и общая компания развалилась на несколько маленьких группировок, в которых или непрерывно болтали, не слушая друг друга, или, наоборот, тупо молчали, пытаясь решить извечный философский вопрос, «зачем же это я так набрался».

Лелик сидел вместе с Максом и Славиком и слушал болтовню Макса, который сегодня был особенно печален и весь вечер жаловался на свою несчастную жизнь.

– Вот ты скажи, – нетвердым голосом заявил Макс, дергая Лелика за рукав. – Разве можно в этой стране реализовать себя простому, но неимоверно талантливому человеку?

– Можно, – убежденно ответил Лелик. – Я же себя реализовал. Правда, Славик?

– Ага, – безразличным голосом подтвердил Славик, которому на данный момент было абсолютно наплевать, что именно и кому подтверждать.

– Черта с два, – продолжал спорить Макс. – Если бы ты жил в каких-нибудь Штатах, то уже давно зарабатывал бы бешеные деньги. Там такие талантливые компьютерщики просто в золоте купаются.

– Откуда ты знаешь, что я – талантливый компьютерщик? – удивился Лелик.

– Ну как же! – возмутился Макс. – Помнишь, как я компьютер брата со стола случайно смахнул, когда пыль вытирал?

– Ну, помню.

– А помнишь, что ты в нем потом пять минут поковырялся, спасая меня от неминуемой смерти из табельного оружия, и компьютер снова заработал, помнишь? – торжествующе спросил Макс. – Кто еще так талантливо может поступить?

– Да там просто один шлейф отошел, и я его на место вправил, – поскромничал Лелик. – Особого таланта для этого не нужно.

– Лелик! – торжественно сказал Макс. – Себя ты можешь принижать, сколько тебе угодно, но я тебе скажу точно: ты – талант! Дай поцелую.

– Уйди, голубизна, – нетвердым голосом сказал Лелик. – Что это еще за поцелуи такие?

– Братские поцелуи! – заорал Макс. – Брат спас брата. Трагическая смерть компьютера, не пережившего разрыва соединения. Хирург Лелик, вернувший жизнь умной железке.

– Кстати, – заметил Лелик, – сразу видно, что ты в газете подвизаешься. Говорить стал одними журналистскими штампами. Тебе там хоть платят?

– Ага, платят, как же… – снова загрустил Макс. – Я там за всю верхушку статьи пишу, включая главного редактора, а платят мне ровно столько, сколько хватает, чтобы доехать с работы домой и обратно.

– Что-то мне это сомнительно, – сказал Лелик нетвердым голосом. – Небось, на работу пьяный приходишь. А кто будет пьяному платить? Не-е-е-е-ет, брат, пьяному платить не будут, – и Лелик стал махать пальцем перед носом Славика, который настолько тупо взирал на все происходящее вокруг себя, что у него перед носом можно было махать что пальцем, что венерианским аборигеном – Славику это было совершенно фиолетово.

– Сомнительно тебе? – возмутился Макс. – Вот скажи, ты последнюю редакторскую статью читал?

– Читал, – признался Лелик. – Говно полное.

– Конечно, говно, – неожиданно согласился Макс. – Но ты помнишь там одну-единственную блестящую фразу?

– Помню. «До свидания, друзья. До новых встреч!» – процитировал Лелик.

– Нет, – сказал Макс, – не эта. Там была фраза: «Совершенно ясно, что на этот раз наши доблестные борзописцы выполняют политический заказ».

– Фу, какая гадость, – сморщился Лелик.

– Дык, – обрадовался Макс. – Этим козлам давно было пора влепить печатную пощечину.

– Я не об этом, – пояснил Лелик. – Фраза дебильная.

– Что? – возмутился Макс. – Да что ты в этом понимаешь, программист хренов, хирург железячный!

– Я читатель, – открыл тайну Лелик. – А вы пишете для читателей. То есть для меня. Если я говорю, что фраза дебильная, значит, фраза дебильная. Надеюсь, не ты ее придумал? Ты, при всей своей дурости, вовсе не такой дурак, как кажешься.

– Придумал ее я, но не в этом дело, – неожиданно спокойно ответил Макс. – Там главное другое. Ты обратил внимание на совершенно потрясающее сочетание «политический заказ»?

– Обратил, – сказал Лелик. – По-моему, на редкость идиотская фраза. Правда, Славик?

Славик согласно икнул, однако лицом выразил строгий нейтралитет, потому что он был не в том состоянии, чтобы с кем-нибудь сейчас портить отношения.

– А ты заметил, – продолжал Макс, не обращая внимания на сарказм приятеля, – что ее теперь постоянно повторяют во всех массовых средствах информации?

– Ну да, – согласился Лелик. – Они любят повторять всякую чушь.

– Так вот, – сказал Макс торжественно. – Эту фразу придумал я на одном из редакционных совещаний.

– Поздравляю, – сказал Лелик таким тоном, в котором явно слышалось, что поздравлять-то тут не с чем.

– Редактор ее подхватил, – продолжал Макс, – использовал, и теперь ее повторяют все кому не лень.

– Браво, – сказал Лелик тусклым голосом. – Придумай еще что-нибудь эдакое. Например, «чиновничий прессинг» или «дистрофия власти».

– Я тебе вот что скажу, – произнес Макс таинственно. – Если бы я подобную фразу придумал, например, в Штатах, то был бы уже миллионером.

– И что бы ты делал со своими миллионами? – поинтересовался Лелик.

Макс нервно моргнул. Похоже, что применение своим миллионам он еще не нашел.

– Нет смысла заранее забивать себе голову всякой ерундой, – сказал он. – Когда будут миллионы, тогда и решу. Суть не в этом. Суть заключается в том, что я не в той стране родился, в которой надо.

– И что ты предлагаешь? – спросил Лелик.

– Мне нужно переехать в Штаты, – твердо сказал Макс. – Причем срочно.

– Завтра можно? – поинтересовался Лелик. – Или обязательно сегодня?

– Завтра можно, – не купился на подколку Макс. – Можно даже послезавтра. Но срочно. А то я здесь не выживу.

– Да брось ты, Максимка, – утешил его Лелик. – Ты, можно сказать, только-только жить начал. Пятнадцать лет не работал, а в тридцать три за ум взялся. Сколько ты уже пашешь как вол?

– Два месяца, – гордо сказал Макс. – Всего два месяца, но уже понял, что в Штатах я бы горы свернул. А здесь – гнилое болото.

– Ты мне на здесь не наезжай! – возмутился Лелик. – Я здесь, в отличие от тебя, пятнадцать лет работаю и вполне доволен. Я стране приношу пользу, и страна мне – тоже.

– Ага, страна поит тебя березовым соком, – хмыкнул Макс.

– И платит зарплату, – строго сказал Лелик.

– Зарплату тебе платит не страна, а твой начальник, который эту страну наверняка обкрадывает, – объяснил Макс.

– Все, я с тобой больше не разговариваю, – заявил Лелик.

Макс пожал плечами, налил рюмку Лелику, себе и безучастному ко всему Славику. Макс с Леликом молча чокнулись и выпили. Славик приподнял свою рюмку на сантиметр, посмотрел на нее страдающим взглядом, затем таким же взглядом посмотрел в глаза Максу, но тот только сурово кивнул в ответ – мол, пей, негодяй, раз налили, и Славик, повинуясь стальному взгляду приятеля, осушил свою рюмку.

– Кстати, – сказал Макс Лелику, – ты же тоже в Штаты собрался?

– Я не жить туда собрался, а просто поработать на годик, – сказал Лелик. – Обычная работа по контракту.

– Знаю я эти контракты, – заявил Макс. – Туда поедешь, потом обратно точно не вернешься.

– Вернусь, – защищался Лелик. – Мне без России скучно.

– Впрочем, – не стал спорить Макс, – это дело хозяйское. Хочешь – уезжай, хочешь – возвращайся. Твоя задача – другу помочь.

– В каком смысле? – удивился Лелик.

– Лелик, – торжественно сказал Макс, – вытащи меня в Штаты.

– Но как? – удивился Лелик.

– Как члена семьи, – объяснил Макс.

– Ты вроде не член моей семьи, – нетвердо сказал Лелик, чувствуя, что память его уже подводит.

– Ты не член! Не член ты! – вдруг подал голос Славик, у которого выпитая рюмка неожиданно пробудила какие-то скрытые резервы организма.

– Знаю, – сурово сказал Макс. – Но есть способы.

– На твоей сестре я не женюсь ни под каким видом, – испугался Лелик. – Ни фиктивно, ни еще как-нибудь.

– На сестре жениться не надо, – спокойно объяснил Макс. – Ты женишься на мне.

Лелик со Славиком в момент протрезвели. Все-таки это было очень сильное заявление, даже для такой пьянки.

– Макс, – сказал Лелик, и голос его задрожал. – Так что же это, вся наша многолетняя крепкая мужская дружба оказалась пшиком? Оказывается, ты дружил со мной только из-за моей сексуальной привлекательности? Боже мой! – патетично вскричал Лелик, нервно налил себе рюмку и залпом ее опрокинул. – Мы же с тобой столько раз спали в одной постели на всяких пьянках! Я же мог подвергнуться насилию!

– Он… да… это… – снова прорвало Славика. – Ну, Макс, ты… это… ты это заканчивай, – решительно заявил Славик, стукнул кулаком по столу, после чего, обессилев, уронил голову на руки.

Макс прослушал эти тирады с совершенно невозмутимым выражением лица, пару раз глубоко затянулся своим любимым «Беломором», а потом сказал Лелику:

– Эк тебя разобрало. Я слушаю и прям любуюсь. Особенно мне насчет твоей сексуальной привлекательности понравилось. Такое ощущение, что ты никогда себя в зеркале не видел.

– А что? – оскорбился Лелик. – Разве я сексуально непривлекателен?

– По-моему, – сказал Макс, любуясь своим отражением в бутылке, – в тебе столько же сексуальности, сколько в пепельнице на столе.

Лелик внимательно посмотрел на стол и вдруг увидел довольно красивую, хотя и заваленную окурками пепельницу черного цвета, которая была выполнена в виде женской фигуры, обвивающей руками блюдо причудливой формы.

– Значит, все-таки привлекательный, – сказал Лелик, показывая Максу глазами на эту пепельницу.

– Я имел в виду пепельницу в аллегорическом смысле, – объяснил тот. – Некую абстрактную, простую, как правда, и заваленную бычками пепельницу, лысоватую, как твоя башка.

– Все женщины говорят, – сказал Лелик, аккуратно поглаживая свою лысину, – что некоторая лысоватость мужчинам очень идет.

– Вполне может быть, – не стал спорить Макс. – Спорить не буду, потому что я никогда не был женщиной и не знаю, что они чувствуют при виде мужика, у которого голова, как мое колено.

– Стоп, – сказал Лелик. – Тогда почему ты вдруг хочешь, чтобы я на тебе женился, раз уж я не в твоем вкусе?

– Вер-роятно ему нужна московская прописка, – предположил поднявший голову Славик, который снова на минуту оклемался.

– Боже, какие примитивные люди меня окружают! – с отвращением сказал Макс. – Один нервничает, что меня не возбуждает его лысина, другой считает, что мне нужна московская прописка. Какой ужас! Нет, все! Я с алкоголиками больше не пью. Я в следующий раз буду пить только с абстинентами. Они мне как-то чисто по-человечески стали более симпатичны.

– Макс, – раздраженно сказал Лелик. – Ты можешь толком сказать, кто на ком должен жениться и зачем это все вообще нужно? А то Славик уже вне себя.

– Да, – сказал Славик голосом, полным глубокой пьяной тоски. – Я уже настолько вне себя, что скоро из себя весь выпаду на фиг совсем.

– Ты в Америку едешь? – риторически спросил Макс Лелика.

Тот риторически кивнул головой.

– Помочь другу выехать туда же хочешь? – снова спросил Макс.

Лелик неопределенно кивнул головой – мол, хочу, но если это не ляжет на меня тяжким бременем.

– Тогда самый простой способ, – сказал Макс, – если ты пришлешь мне вызов как члену твой семьи. Но на моей сестре жениться ты не хочешь…

Лелик возмущенно замахал руками.

– …Но я от тебя этого и не требую, – успокоил друга Макс. – Над проблемой выезда долго ломали голову в нашей редакции, и мы пришли к выводу, что самый лучший способ – однополый брак, который разрешен в некоторых странах, в частности в Голландии. Мы с тобой едем в Амстердам и там регистрируем брак. Разумеется, фиктивно, потому что ты не в моем вкусе, да и вообще – педерастом я стать так и не смог, хотя это сейчас модно в творческих кругах.

Лелик со Славиком замолчали, обдумывая слова Макса. Славик думал настолько напряженно, что, незаметно для себя самого, заснул.

– Постой, – сказал Лелик, – так ты хочешь сказать, что если я приеду в Америку и вызову тебя по голландскому свидетельству об однополом браке, то тебе дадут визу как члену моей семьи?

– Вне всякого сомнения, – убежденным голосом заявил Макс. – Это если бы я был твоей обычной женой – в смысле, женщиной, – то могли бы возникнуть всякие проблемы и проволочки. Но преградить путь гомосексуальным партнерам они не посмеют ни на минуту. Ты же знаешь, как они там все с катушек слетели с этой политкорректностью.

– А что, – заинтересовался Лелик, – действительно. Если тебе откажут, я тут же отправляюсь в ассоциацию по защите прав человека и впариваю иск правительству на миллион баксов.

– Совершенно верно, – согласился Макс. – Миллион они не вышибут, но тысяч сто – влегкую. Ты мне с этой суммы заплатишь пятьдесят процентов, после чего я здесь заживу без всяких проблем.

– Какие пятьдесят процентов? – возмутился Лелик. – На мне же вся беготня и расходы! Больше десяти я тебе не дам.

– Здрас-сте! А благодаря кому ты вообще получил эти деньги? – рассердился Макс. – И после этого мне всего десять процентов? Свинья ты после этого – вот ты кто!

– Это я свинья? – заорал Лелик, да так громко, что остальные компании за столом – в смысле, те, кто еще был над столом – разом затихли.

– Самая что ни на есть свинская свинья, – подтвердил Макс, прикуривая очередную папиросу. – Пожалел жене пятьдесят процентов. Теперь я понимаю, почему никто за тебя замуж так и не вышел.

– Какой жене? – опешил Лелик.

Макс внимательно посмотрел на друга.

– Такой жене, – сказал он спокойно. – Мне. Мы же должны пожениться в Голландии.

– Да? – переспросил Лелик, чувствуя, что полностью потерял нить беседы.

– Ну да, – кивнул Макс. – Ты что, забыл? Мы же едем в Амстердам и там регистрируем наш гомосексуальный брак.

– Ф-ф-фиктивно, – снова прорезался Слава и начал с пьяным усердием грозить Максу пальцем.

– Фиктивно, – подтвердил Макс, взял Славика за палец и опустил его в Славикову рюмку. Славик поболтал пальцем в рюмке, затем достал его, облизал с видом великомученика, после чего снова уронил голову на руки.

– Затем, – продолжил Макс Лелику, – ты уезжаешь в Америку, после чего делаешь мне родственный вызов.

– И если тебе не дают визу, – подхватил Лелик, – то я по суду получаю минимум сто тыщ баксов. Годится! А если тебе дают визу… Стоп! – опомнился Лелик. – А что я получаю, если тебе дают визу?

– Как что? – опешил Макс. – Друг к тебе приедет в Америку.

Лелик эту новость выслушал с каменным выражением лица.

– Что такое? – заволновался Макс. – Тебя это не радует?

– Радует, конечно, – неопределенно сказал Лелик и скорчил такую гримасу, как будто он вместо водки неожиданно выпил кефира.

Макс понял, что ситуацию надо брать под контроль, поэтому он тут же наполнил рюмки и стал Лелику доказывать, что в Америке рядом с ним обязательно должна быть какая-нибудь живая душа. После третьей рюмки Лелик полностью потерял контакт с окружающей действительностью, поэтому идея иметь Макса рядом с собой в Америке уже не казалась ему такой уж глупой. После пятой рюмки друзья обсудили все детали и Лелик дал согласие съездить с Максом в Амстердам, чтобы зарегистрировать там однополый брак, дающий возможность впоследствии вызвать Макса в Америку в качестве близкого родственника.

Славик

После этой пьянки Лелик аж пару дней мучился головной болью, горстями глотал аспирин, совал голову под кран и клялся здоровьем Макса, что больше в рот не возьмет ни капли, так что разговор о поездке в Амстердам и заключении брака у него как-то сам собой выветрился из памяти, а если и вспоминался, то

как дурной сон, а не что-то реальное. Однако жизнь не стояла на месте и скоро сама, в лице своего представителя, напомнила о данном Леликом обещании.

Примерно через неделю после этой знаменательной пьянки, когда хмель из головы Лелика выветрился окончательно, к нему в офис по важному делу заехал тот самый Славик, присутствовавший при разговоре Лелика с Максом в виде бесчувственного тела, изредка подававшего признаки жизни.

Славик работал менеджером в одной из туристических фирм, и Лелик в свое время познакомил его со своим руководством, так что теперь именно Славик занимался вопросами отдыха руководящего состава фирмы. В настоящий момент Славик готовил программу двухнедельного отдыха леликовского генерального директора, поэтому и приехал к ним в офис, но генеральный был занят процессом поглощения пищи, так что Славик болтался в кабинете Лелика, изрядно его этим раздражая. Лелик попробовал было посадить Славика за один из свободных компьютеров, чтобы тот поиграл в Lines или Tetris и не мешал, но тот настолько привык общаться с клиентами, что не обратил на игры никакого внимания, а донимал Лелика беседами.

Обычно Славик не был особенно говорлив, но когда речь шла о работе, его разговорчивость резко набирала обороты – как паровоз, в топку которого подкинули дровишек.

– Кстати, зря твой этот… как его… Гена собрался на Тенерифе, – болтал Славик, сидя за компьютером. – Чего там сейчас делать? Купаться и загорать? Так это можно делать где угодно. Я вообще не понимаю, зачем богатые люди ездят в такие тоскливые места. Вот мы с тобой – другое дело. Мы с тобой – люди весьма среднего достатка, поэтому и ездим отдыхать-тосковать в Турцию, на канарские Тенерифы или даже в Сочи. Валяемся на пляже, жрем водку, купаемся, загораем и мажемся кремом от ожогов. И везде болтаемся с женами, которых надо выводить на пляж, прогуливать по пляжу, днем таскать на обед, а вечером выводить на дискотеку, где тебе даже выпить нормально не дают, потому что ее, видите ли, надо вести обратно в номер, когда только-только начинается самое веселье. Кто вообще придумал с женой ездить на отдых? Это же все равно что в Тулу со своим самоваром!

– Ну да, – рассеянно сказал Лелик, ковыряясь в настройках операционной системы. – Особенно я езжу отдыхать. С женами.

– Тебя я привел для примера, – объяснил Славик.

– Ну и напрасно, – пожал плечами Лелик. – Ты же знаешь, что я не женат.

– Для примера мы считаем, что ты женат, – нашелся Славик. – И вообще, при чем тут жены? Я говорю, что богатый человек должен отдыхать экзотично! У него же денег – вагон. Так зачем переться в отель, валяться на пляже и лупить виски с утра до вечера, когда все это он может делать дома и даже по месту работы?

– А что ты предлагаешь богатым людям? – заинтересовался Лелик.

– Динамичный отдых, – торжественно сказал Славик, – который запоминается надолго. Богатый человек должен ездить во всякие таинственные места, чтобы поохотиться, побродить по сельве и саванне, попасть в плен к людоедам, словом, чтобы адреналина, бродившего по жилам, хватило потом на сотню разборок с бандюками и налоговой.

– Интересный у тебя подход, – приподнял брови Лелик. – Получается, что богатый человек за свои же деньги должен покупать себе неприятности?

– Ты, Лелик, не врубаешься, – снисходительно ответил Славик. – Неприятности – это когда кирпич на голову упадет или теща погостить приедет. Богатый человек должен покупать себе приключения, а не неприятности. Врубился? Только приключения способны его в полной мере расслабить и подготовить к тяготам большого бизнеса. А валяние на пляже – это отстой полный. Это только для нас с тобой, простых людей.

– Я смотрю, – сказал Лелик, – у тебя прям целая теория.

– А то! – загордился Славик. – Между прочим, я уже многих уговорил. Народ в такие места ездил – ты даже не знаешь, что это все существует.

– И что? – интересовался Лелик. – Всем понравились приключения?

– Еще как! – воскликнул Славик. – Потом ни о каком другом отдыхе и не мечтают. Они же кроме адреналина получают еще шикарную возможность пальцы перед дружками расставлять. Представляешь, собирается эта компания в бане,

начинают делиться воспоминаниями, кто сколько на отдыхе литров виски выпил и сколько девушек трахнул. А мой клиент эдак небрежно говорит: «Да что вы все о выпивке и о бабах, как свиньи. Вот я – катался по Амазонке и охотился вместе с племенем М’буду». Представляешь? Народ сразу оживляется, начинает спрашивать, сколько он слонов и кенгуру шлепнул…

– Кенгуру в Америке не водятся, – заметил Лелик.

– А где они водятся? – опешил Славик.

– В Австралии, – сказал Лелик.

– Ну так я и сказал, что он катался по Амазонке в Австралии, – рассердился Славик. – Что ты меня сбиваешь?

– Амазонка – в Америке, – так же спокойно объяснил Лелик. – А слоны – в Африке. Кенгуру – в Австралии.

– Ты меня унизить хочешь? – спросил Славик, и лицо его потемнело. – Мол, у нас, высокородных, высшее образование, а я тут тварь необразованная, да?

– Ну ладно тебе, ладно… Завелся, как заяц-энерджайзер, – стал успокаивать его Лелик. – Лично мне наплевать, на кого он охотился: на слонов, крокодилов или бушменов.

– А что за зверь такой – бушмен? – заинтересовался Славик.

– Неважно, – ответил Лелик. – Маленький пушистый зверек. И что дальше?

– Дальше… – начал было Славик, но тут дверь кабинета Лелика открылась и туда вошел отобедавший генеральный Гена.

– Здравствуйте, Геннадий Викторович, – фальшиво-радушным голосом сказал Славик, и Лелик удивился, насколько изменился голос приятеля при виде клиента. «Профессионал», – подумал Лелик, который всегда уважал профессионалов.

– Ты заказал? – без всяких приветствий спросил Славика Гена, который в общении со всяким сервисом был крайне суров, надеясь таким образом, что его испугаются и не обманут. Но, как Славик уже много раз объяснял Лелику, именно таких самых суровых клиентов «парят» больше всего, потому что опытный менеджер любого клиента видит насквозь.

– Конечно, заказал, – любезно улыбаясь, ответил Славик. – Но я вам еще раз настоятельно рекомендую подумать над своим выбором, ведь отдых на Канарах – это такая тоска…

– Видишь ли, родной, – нетерпеливо перебил его Геннадий, – я эту твою волынку о невероятных приключениях, охоте и встречах с людоедами слышу уже раз в двадцатый. Невероятных приключений мне вполне хватает на работе, а с налоговой инспекцией я как раз встречался на прошлой неделе. Поэтому мне нужно только одно: тихо и спокойно валяться на пляже, попивая коктейли, и чтобы ни одна живая душа ко мне не приближалась ближе чем на пять метров.

– Ну, как скажете, – не стал спорить Славик, доставая из портфеля какие-то бумаги. – Желание клиента – закон. Вот ваши бумаги и билеты. Как вы и просили, две недели на Тенерифе на двоих в пятизвездном отеле в южной части острова на вас и вашу очаровательную жену.

– Стоп, – сказал Геннадий. – Какую, к черту, жену?

– Ну, – опешил Славик, – вы же заказывали две путевки.

– И что, – продолжал допрос набычившийся Гена, – там стоят две одинаковые фамилии?

– Н-н-нет… д-д-да… не помню… нет, вспомнил, разные! – сказал Слава. – Но я думал, что ваша жена просто носит девичью фамилию… Знаете, как бывает? Жена не берет фамилию мужа и…

– Ты слишком много думаешь, – внушительно сказал Гена, забирая бумаги из рук Славика. – Тебе это явно вредно. В следующий раз много не думай, – посоветовал он, направляясь к двери. – Лучше вообще не думай, – сказал Гена и вышел из кабинета.

Друзья некоторое время помолчали.

– М-да-а, – наконец, сказал Лелик. – Тоже мне, менеджер экстра-класса. Амазонку не впарил, а уж про прокол с женой я вообще молчу. Даже я такой ляп не допустил бы никогда в жизни. Теперь Гена с тобой больше работать не будет. Для него упоминание о жене – ковыряние в открытой ране.

– Подумаешь, – защищался Славик. – И на Солнце бывают пятна.

– У тебя там не пятна, – объяснил Лелик. – У тебя там целый протуберанец. Причем на всю голову сразу.

– Мне неприятен этот разговор, – сказал Славик и надулся.

– О! – развеселился Лелик. – Правда глаза колет?

Славик махнул рукой, демонстративно сел за компьютер и стал с печальным видом гонять Tetris.

– Славик, – сказал Лелик, недоуменно глядя на приятеля.

Тот ничего не ответил и продолжал делать вид, что сильно увлечен игрой.

– Слава, в чем дело? – спросил Лелик грозно.

– Я на тебя в обиде, – заявил Славик.

– Это сколько угодно, – холодно ответил Лелик. – Я просто не очень понимаю, что именно сейчас тебя задерживает в моем кабинете. Ты уже все сделал?

– Ничего подобного, – ответил Славик рассеянно. – А твои бумаги? Заполняй заявление, вписывай паспортные данные и все такое.

– Какие мои бумаги? – удивился Лелик. – Ты ничего не перепутал? Гена едет отдыхать с любовницей, а не со мной.

– Интересно! – возмутился Славик. – Кто у нас напился тогда у Ленки – я или ты? Мы же договорились, что едем в Амстердам женить вас с Максом. Или ты просто пошутил? Тогда ничего себе шуточки! Максимка уже все документы заполнил, и я ему оформляю визу.

– Кх-м, – вздрогнул Лелик. – Нет, я, конечно, не отказываюсь, но ты уверен, что вся эта бодяга с нашей регистрацией имеет смысл?

– Понятия не имею, – ответил Славик. – Это вы сами с Максом разбирайтесь на тему регистрации. Это ваши личные половые трудности. Лично я просто хочу немного прошвырнуться по Европе, поэтому составлю вам компанию. Кроме того, я же там часто бываю, так что буду всю дорогу давать вам советы и подсказывать выходы из трудных ситуаций. А вы за это должны обещать меня кормить и поить вволю. Только сразу предупреждаю, что гамбургеры я ненавижу, а под термином «поить» подразумеваются алкогольные напитки, а вовсе не какие-нибудь гнусные пепси-колы…

– Стоп машина, – сказал Лелик.

– … и не севен-апы, – закончил предложение Славик.

– То есть ты считаешь, – спросил Лелик, – что такую поездку действительно нужно совершить? Поехать в Амстердам и там нам с Максом пожениться?

– Лелик, ну что ты как маленький?! – возмутился Славик. – Тебе уже тридцать три года! Возраст Христа! Мы тебе зря, что ли, на день рождения подарили конструктор «Распнись сам» – две деревянные доски, молоток, гвозди и терновый венец? Скатаемся в Европу, прошвырнемся по Германии, Бельгии и Франции. В Голландии обкуримся к черту травой и в качестве культурной программы посетим тамошних проституток.

– Боже мой! – с отвращением сказал Лелик.

– Нет проблем! – тут же отреагировал Славик, причем в голосе его снова появились профессиональные нотки менеджера по туризму. – Не хочешь проституток – посетим Музей Ван Гога и Дом-музей Рембрандта. Высокое искусство, между прочим.

– Да я не об этом, – поморщился Лелик. – Просто тащить в такую поездку Макса – проблем не оберешься. Ты же знаешь, в какие неприятности он умеет втравливать. Я тебе точно говорю – мы там застрянем в тюрьме года на два, не меньше.

– Где там-то? – спросил Славик.

– В Европе, – ответил Лелик. – Максу все равно, где сидеть. Это его здесь не сажают, потому что у нас такие бесчинства преступлениями не считаются. А в Европе только за те кунштюки, которые Макс вытворяет в ресторанах, можно несколько месяцев тюрьмы схлопотать.

– Это точно, – согласился Славик. – Но мы же вдвоем поедем. Один отдыхает, другой стережет Макса. Он, конечно, существо непредсказуемое, но зато с ним весело. Помнишь, как мы тогда в Анталию съездили? – спросил Славик, глаза его затуманились, и он зачмокал губами. – Мне эта турчанка до сих пор письма пишет.

– Еще долго будет писать, – сказал Лелик. – Нам на пять лет въезд туда закрыли.

– Ну и что? – махнул рукой Славик. – Зато есть что вспомнить.

– Да уж, – сказал Лелик. – Еще как есть что вспомнить. В ночных кошмарах.

– Ты все утрируешь, – беззаботно заявил Славик. – Короче, заполняй анкету. Я уже маршрут рассчитал. Сейчас вообще самое шикарное время – осень. Мы прилетим в Германию, возьмем там тачку и поедем в Голландию. Там три дня тусуемся – больше не надо, чтобы здоровье не испортить, – затем едем или во Францию, гулять по Парижу, или сразу в Германию на праздник пива. Улетаем оттуда же. Такой маршрут быстрее всего оформить, да и обойдется недорого.

– И сколько времени это займет? – колеблясь, поинтересовался Лелик.

– Да сколько захотим – столько и займет, – ответил Славик. – Можем даже в неделю уложиться. Заодно и денег не так много потратим.

– На неделю я вырвусь без проблем, – задумчиво сказал Лелик.

– Ну и отлично, – обрадовался Славик. – Давай заполняй анкету. Я же не буду тут до ночи торчать!

Лелик взял листок, протянутый приятелем, сел за стол и начал заполнять анкету. Славик между тем расхаживал по кабинету и рисовал перед Леликом радужные картины.

– Ты представляешь, – говорил он, непрерывно жестикулируя, – в Германии возьмем клевую тачку…

– За чьи деньги? – поинтересовался Лелик, отрываясь на минуту от анкеты.

– За твои, разумеется, – удивился и даже несколько обиделся Славик. – Я же сказал, что на мне – прокладка маршрута, услуги гида, услуги переводчика, принятие решений, выбор отелей, советы поведения в кризисных ситуациях. Лучше меня Европу никто не знает. Поэтому я оплачиваю только свои билеты туда и обратно. Все остальное – на тебе.

– Не понял, – сказал Лелик, перестав заполнять бумажку. – Это получается, что я кроме Макса – у него все равно денег никогда не бывает – еще и тебя там содержать должен? Отменяем поездку. Я вам не Гусинский какой-нибудь.

– Я же объяснил, – с упреком сказал Славик, – что беру на себя кучу всевозможных функций. Мне же должны это как-то компенсировать?

– Хорошо, – сказал Лелик. – Тогда на мне машина и кормежка. Гостиницу себе будешь сам оплачивать. А то знаю я тебя: если отели на мне, то будем жить только в Crowne Plaza или в Intercontinental. Я лично готов останавливаться в таких отелях со своей невестой, но никак не с двумя обормотами вроде тебя с Максом.

– Ты на меня давишь, – жалобно сказал Славик.

– Рад, что ты догадался, – холодно ответил Лелик.

Славик тяжело вздохнул.

– Воздуха не хватает? – участливо спросил Лелик. – Давай я окно открою.

– Ладно, – решился Славик. – Я плачу за свои билеты и проживание. Но все остальное, – грозно добавил он, – на тебе!

– Договорились, – ответил Лелик. – Но имей в виду, что я от тебя буду требовать полного комплекса услуг.

– В каком смысле? – испугался Славик.

– В прямом, – ответил Лелик. – Как гида, переводчика, советника и выпутывателя из трудных ситуаций.

– Ну это я завсегда, – успокоился Славик. – Это же моя профессия… Короче, ты заполнил анкету или нет?

– Заполнил, заполнил, – сказал Лелик ворчливо, протягивая Славику листочек. – Понапридумывали всяких дурацких вопросов.

– Это не ко мне, – ответил Славик. – Отправляйся в германское посольство и там предъявляй претензии.

– Ладно, – сказал Лелик. – Через сколько времени отправляемся?

– Я думаю, что через пару недель уже все будет готово, – ответил Славик. – Правда, вам с Максом придется сходить на собеседование, но это не больно. Билеты я тоже забронирую заранее. Так что недели через три и поедем. Где-то на недельку – дней на десять.

– Хорошо, – ответил Лелик. – Я тогда договариваюсь с начальством и коплю деньги.

– Деньги копи, – одобрил Славик. – Я привык питаться хорошо, ты это должен понимать.

– Понимаю, понимаю, – успокоил его Лелик. – Все, шуруй отсюда, а то мне работать пора.

– Можно подумать, – оскорбился было Славик, – что я какой-то ерундой занимаюсь…

Но Лелик, не слушая его брюзжание, довел приятеля до двери, пожал ему руку и выставил из кабинета.

Посольство

Славик сдержал слово – документы были оформлены довольно быстро, но Лелику с Максом пришлось отправляться на собеседование в посольство, потому что в последнее время даже турагентствам немцы уже не доверяли, требуя личного присутствия каждого кандидата. Славик перед походом в посольство долго мучил Лелика всякими инструкциями и наставлениями, а на собеседование попросил прийти за полчаса, чтобы еще раз повторить ликбез на тему – как сделать так, чтобы не отказали в визе.

Лелик, верный привычке не опаздывать, явился на инструктаж минут за десять до начала. Зато Макс, верный своему разгильдяйству, минут на пятнадцать опоздал, после чего еще десять минут выслушивал от Славика поток негодующих слов, смоля папиросу, так что на инструктаж времени почти не осталось и Славик только успел сказать, что они, дескать, едут в Германию за машиной по приглашению господина Хайнца, сунул им в руки пакет документов, благословил и затолкал друзей в проходную.

У окошек, где проводили собеседование, было довольно людно. Народ там сидел совершенно разный, и Лелик некоторое время развлекался тем, что пытался по лицам ожидающих определить, кто уже далеко не первый раз получает визу, а кто эту процедуру проходит впервые и сильно нервничает. Люди бывалые сидели развалясь на стульях и снисходительно поглядывали на окружающих. К сотрудникам посольства они подходили не торопясь, здоровались как со старыми знакомыми, а процедуру собеседования проходили со скучающим видом, показывая окружающим, что к ним все эти строгости не относятся и они здесь – лишь для проформы. Зато было очень весело наблюдать, если такому «бывалому» вдруг отказывали. В этом случае начинался такой скандал, что все остальные забывали о своих проблемах и наслаждались бесплатным

представлением.

Новички же были видны по горящим щекам, испуганному виду и лихорадочно бегающим глазам. Они еще обладали неприятной особенностью сразу же заводить разговор с любым соседом по очереди, выкладывая при этом все свои проблемы, а кроме того, очень любили громогласно спрашивать советов, как именно лучше всего обмануть немцев. Одна такая весьма пожилая тетка, можно сказать – бабулька, села рядом с Леликом и начала его мучить разговорами.

– Скажите, молодой человек, – сказала тетка, зачем-то доставая из сумки все свои бумажки, – вы их как обманывать будете?

– Кого? – недоуменно спросил Лелик.

– Фашистов, – просто ответила тетка. – Я вот к внучке собралась, но мне сказали, что ни в коем случае нельзя говорить, что к внучке. Не выпустят. Надо говорить, что едешь или машину покупать, или по туризму.

– Скажите, что намереваетесь выйти замуж за богатого немца, – посоветовал Лелик.

– Вы думаете? – опешила тетка.

– Ну да, – кивнул Лелик, оглядев тетку, на которой не только богатый бундес – бедный чукча не женился бы. – Вам все равно не поверят, а значит, выпустят.

Тетка слушала его с совершенно обалдевшим видом и в иронию никак не въезжала.

– Скажите, молодой человек, – спросила она, – так мне так и сказать – хочу выйти замуж?

– Ну, если не замуж, – пожалел тетку Лелик, подумав, что она еще действительно подобное брякнет, – тогда скажите, что едете купить себе какую-нибудь скромную машину. Они это любят – нам свое старье сбагривать.

– Я не очень разбираюсь в машинах, – пожаловалась тетка. – Знаю только «вольваген» и «мерин». Мне внук рассказывал.

– «Вольваген» – это когда «Фольксваген» сталкивается с «Вольво», что ли? – поинтересовался Лелик.

– А мне почем знать? – удивилась тетка. – Говорю же, не разбираюсь в машинах. У моего мужа всю жизнь был «Москвич-407». Так я вам скажу, что этот «Москвич» ходил – как часы. Из гаража в автосервис, из автосервиса в гараж. Но вы не думайте, мы один раз на нем съездили в магазин, а один раз – даже на дачу. Правда, перевернулись, хотя и не насмерть. Но потом за пару лет муж все отремонтировал, и мы снова поехали в магазин, где у него прорвался бензоводовод…

– Пардон, мадам, – сказал Лелик. – По-моему, ваша очередь. Говорите, что хотите купить «шестисотый» «Мерседес», не промахнетесь.

– Спасибо большое, – сказала тетка, неохотно прерывая свой рассказ и поднимаясь со стула. – Пожелайте мне удачи.

– Гитлер капут, – пожелал Лелик.

– К черту, – ответила тетка, которая, как видно, ожидала другой фразы, и отправилась к окошку.

– Бог вас накажет за издевательства над бедной женщиной, – лицемерно заметил Макс, который внимательно слушал весь этот разговор.

– Болтать команды не было, – строго сказал Лелик. – Ты инструкции выучил?

– Да выучил я ваши кретинские инструкции, – быстро ответил Макс. – Еду по турвизе покупать машину по приглашению господина Шварцкопфа во Франкфурт. Жить буду в отеле «Клопеншток» на втором этаже в номере с цветком на окне. В первый вечер приглашу к себе пышнотелый и крутогрудый немецкий фройляйн, с которой мы будем делать эрдбере тиикане дас бетт цу кумпфен цу раушен цу шлафен, – пролаял Макс.

– Ты вчера пил, что ли? – полюбопытствовал Лелик.

– Немного, – честно ответил Макс. – Две бутылки коньяка с главредом. Мы помирились. Я ему придумал выражение «горнило власти», а он пообещал взять меня в штат.

– Так, может, тебе и не надо со мной в Америку, – спросил Лелик, – раз так все хорошо складывается? Тогда пойдем отсюда, чего зря время терять?

– Э, нет! – возмутился Макс. – Я с ним коньяк уже давно пью, а в штат меня так и не взяли. Так что давай свои дурацкие инструкции – будем прорываться в Голландию.

– Макс, – сказал Лелик, – лично мне наплевать, но если ты с немецким Штирлицем начнешь острить, тебе выезд перекроют в две секунды. У них юмор совсем другой – не такой, как у тебя, имей в виду.

– Может быть, – задумчиво спросил Макс, – мне им голую задницу показать? У немцев вроде именно такой юмор.

– Ты лучше вообще обойдись без юмора, Петросян фигов, – сказал Лелик. – Что за манера – обязательно нарываться на неприятности?

– Лелик, ты же знаешь! – заныл Макс. – Я такой человек – не люблю рутину! Вокруг все должно искриться.

– Ну и шел бы в электрики, – посоветовал Лелик. – Что ты в журналистику подался?

– Слушай, – засуетился Макс, – уже мужик перед нами пошел. Мы следующие. Так что мне там говорить-то?

– Ты едешь за машиной во Франкфурт к господину Хайнцу. Он тебе забронировал отель с названием, выговорить которое ты не в состоянии. Но оно есть в факсе от господина Хайнца.

– О, – сказал Макс, – кетчуп «Хайнц». Я легко запомню.

– Вот все твои документы, – продолжил Лелик, – и справка на покупку пяти тысяч долларов. Справку потеряешь – убью на месте. Мне самому из-за тебя придется живые три тысячи показывать, потому что неохота еще одну справку покупать. А без денег могут и завернуть.

– Давай я им живые три покажу, – предложил Макс, – а ты справку на пять. Я же человек маленький, мне пять и не полагается.

Но Лелик пропустил это интересное предложение мимо ушей, потому что прекрасно знал, что будет, если к Максу в руки попадет такая безумная по его масштабам сумма.

– Главное, – сказал он Максу, вспоминая наставления Славика и свой собственный опыт подобных собеседований, – лишнего ничего не болтай, веди себя сдержанно и с достоинством. Всем видом показывай, что тебе абсолютно наплевать, пустят тебя или нет.

– Да мне и так наплевать, – начал было Макс, в котором вдруг совершенно неожиданно вскипел патриотический порыв, но Лелик прервал его излияния, показав взглядом, что подошла их очередь.

Друзья отправились к заветному окошку, за которым восседал рыжеватый немец сурового вида, и Лелик велел Максу идти первым, чтобы стоять рядом и суфлировать. Немец кивнул в ответ на «их уилл эссен» Макса (они тут, вероятно, привыкли не реагировать даже на самые дикие фразы на немецком), взял документы и стал их внимательно изучать. Лелик от скуки стал глазеть по сторонам и вдруг увидел, что в соседнем окошке стоит та самая пожилая тетка, которой он давал советы, и объясняется с работником посольства. Лелик прислушался.

– Я правильно поняль, что вы ехат в Джермани купить машину? – с сильным немецким акцентом спрашивал служащий.

– Ну да, – радостно ответила тетка. – Шо мне еще там делать? Не за бюргера же замуж выходить! – и она фальшиво засмеялась.

– Какую именно машин ви собирается покупат? – поинтересовался немец.

– Так этот… как его… «Мерседес» шести… шести… шестиосный, вот, – выговорила наконец тетка.

– Какой? – В бесстрастном голосе немца впервые послышались какие-то эмоции.

– Шестиосный, – решительно сказала тетка.

– По-моему, таких не быват, – сказал немец. – Может быт, вы имеешь в виду «шестисотый»?

– Ну, «шестисотый», – легко согласилась тетка. – Какая разница? Будет шестиосный – куплю шестиосный. Будет «шестисотый» – куплю «шестисотый». Я все равно водить не умею.

Из динамика, висевшего перед теткой, раздалось какое-то булькание.

– Зачем же вы покупайт машина? – через минуту спросил немец.

– Кататься, – твердо сказала тетка. – Могу я на старости лет себя побаловать? Всю жизнь работала, между прочим. Я еще девочкой снаряды точила для фронта.

– Хорошо, – быстро сказал немец, – а у вас есть деньги на покупку такой машин?

– Конечно, – обиделась тетка. – Вон же справка об обмене тысячи долларов. – И тетка посмотрела в окошко с таким видом, как будто этой суммы хватит, чтобы купить всю Дрезденскую галерею, и еще на пару машин мелочевки останется.

– Я боюсь, – вежливо сказал немец, – для покупки хороший «Мерседес» этих денег не хватит.

– Да я же не буду большой покупать, – сказала тетка. – Мне какого-нибудь маленького хватит. Малолитражки. Да и куда я его ставить буду? У меня во дворе даже «Ока» еле проезжает. Хрущоба.

Тут рыжий немец стал задавать Максу вопросы, и Лелик отвлекся от тетки.

– Ваша цель поездки в Германию? – спросил рыжий.

– Автомобильно-туристическая, брат, – ответил Макс. – Покупаю автомобиль и становлюсь туристом.

– Я тебе сказал – лишнего не болтай, – прошипел Лелик.

Макс удивленно пожал плечами – мол, я и так нем как рыба.

– Вы едете по приглашению? – спросил рыжий.

– Так точно, – ответил Макс. – К господину Тобаско.

Лелик пнул его ногой.

– Пардон, – поправился Макс, – не к Тобаско, а к этому кетчупу… как его… к Хайнцу, вот! – заорал он. – Еще раз прошу прощения, – вежливо сказал он рыжему. – Эти немецкие фамилии – такие дурные…

Лелик снова пнул его ногой. Макс лягнул друга в ответ – мол, я и так нервничаю, а ты мешаешь.

– В каком отеле вы останавливаетесь? – поинтересовался рыжий, поднимая глаза от документов.

– Там написано в факсе на бронь, – встрял Лелик.

– Вас я попрошу отойти за черту, – строго сказал рыжий. – Я разговариваю с этим господином.

Лелик, чертыхнувшись, отошел назад, встал у черты, проведенной в метре от окошка, и начал напряженно прислушиваться.

– Какую машину вы хотите купить? – поинтересовался рыжий.

– «Хорьх», – брякнул Макс. – Как у Штирлица.

– Это очень дорогие коллекционные машины, – ответил рыжий, ничуть не удивившись. – Они могут стоить под сто тысяч марок. У вас есть такие деньги?

– У меня есть три тысячи баксов, – сказал Макс. – Но мне необязательно «Хорьх» как у Мюллера. Достаточно уже переименованного варианта.

– Так вы «Ауди» имеете в виду? – наконец догадался рыжий.

– Ее, родимую, – подтвердил Макс. – Или какой-нибудь «Фольксваген» бриз-пассат. Люблю свежий ветер в ушах.

Рыжий замолчал и стал снова листать документы.

– Хватит болтать, придурок, – прошипел ему Лелик, но Макс, даже не обернувшись, показал другу оттопыренный средний палец – мол, кончай наезжать, я все делаю правильно.

Но дальше, к счастью, немец стал спрашивать, когда Макс планирует покинуть Германию, и тот ограничился более-менее односложными ответами. А уж когда Макса спросили, какие родственники у него остаются в России, тот начал перечислять и вдруг так расчувствовался, что чуть было не заявил рыжему – мол, ну его на фиг, эту Германию, он лучше останется в России со своей мамой, тетей, любовницей Мариной и собачкой Джульбарсом, – взгляд рыжего потеплел, и он наконец поставил Максу визу.

С Леликом вопрос решился довольно быстро: у него в паспорте стояли американская и английская визы, которые обычно производят превосходное впечатление на работников посольства, поэтому рыжий даже не мучил его вопросами, а только спросил, едет ли он вместе с тем странным молодым человеком, документы которого он смотрел только что, и, получив утвердительный ответ, разрешил Лелику въезд.

– Вот видишь, – заявил Макс, когда они вышли из здания посольства, направляясь к нетерпеливо ожидающего их Славику, – если бы не я, нас бы ни черта не выпустили. А ты мне еще на ноге синяков набил так, что я перед

Маринкой и раздеться не смогу. Подумает, что это засосы.

– Ты себе льстишь, – сказал Лелик. – Маринка подумает, что это я тебя в посольстве пинал.

– Но согласись, – продолжал спорить Макс, – что я блестяще провел собеседование.

Лелик ничего не ответил.

– Пустили? Не пустили? – набросился на них Славик, когда они вышли из пропускного пункта.

– Все шикарно, – важно сказал Макс. – Моя интеллигентность и спокойная уверенность сделали свое дело. Что бы вы без меня делали – не понимаю.

– Это что бы вы без меня делали! – возмутился Славик. – Ты-то тут при чем? Это я сделал документы, где комар носа не подточит!

– Я смотрю, вы все такие незаменимые, – язвительно сказал Лелик, – что прям куда деваться. Короче, Слав, когда вылетаем?

– Через неделю, – ответил тот. – Давай деньги на тебя и Макса.

– Слышишь, Максимка, – сказал Лелик приятелю, – от тебя одни расходы. Еще билет тебе покупать.

– Где ты видел, – удивился тот, – чтобы невеста сама себе билеты покупала? Мы же жениться едем. Так что уж будь добр – прояви себя джентльменом.

Лелик опешил и даже не нашелся что ответить. Тут Славик заторопился к себе на фирму, поэтому Лелик отдал ему деньги, и друзья договорились встретиться уже в день отлета в Германию.

Вылет в Европу

В день отлета Лелик проснулся рано. Обычно он не любил рано вставать, предпочитая засиживаться на работе допоздна, а затем долго спать, мучая подушку, и подниматься затем не торопясь, потягиваясь, снова засыпая и так далее, затягивая этот процесс на полчаса-час. Однако когда ему предстояли какие-либо значительные события – экзамен в институте (в юном возрасте) или поездка куда-либо, – Лелика еще в шесть утра что-то подбрасывало на кровати, он вскакивал и начинал носиться по квартире, жутко переживая и дергаясь. Лелик всегда нервничал перед любым событием, выбивающим его из того размеренного существования, к которому он давно привык. Тем не менее Лелику, как поэту, были также крайне интересны всевозможные неожиданности, которые нарушали повседневную рутину и давали пищу для воображения. Вот такой получался парадокс, от которого Лелик нервничал еще больше.

На этот раз он вскочил аж в полшестого, с реактивной скоростью умылся и с точно такой же скоростью побрился, ухитрившись порезаться в самых неудобных и кровоточащих местах. Чертыхнувшись, Лелик залепил порезы кусочками ваты, посмотрел на себя в зеркало, ужаснулся и в гневе пошел звонить Максу, чтобы разбудить приятеля, который обладал довольно типичной особенностью опаздывать везде и всегда. Обычно Лелика Максовы опоздания не сильно тревожили, но сейчас он не без оснований полагал, что самолет Макса ждать не будет. Поэтому, услышав в трубке сначала пять, а затем десять длинных гудков, которые, казалось, умоляли дать Максу поспать хотя бы еще пятнадцать минут, Лелик снова и снова набирал номер приятеля, чтобы разбудить эту сонную царевну. Наконец Макс соизволил подойти к телефону.

– Але, – хриплым басом сказал он, – какого…

– Макс, вотр маман (Лелик любил ругаться по-французски; по крайней мере, он думал, что «вашу мать» во французском варианте звучит именно так), – заорал Лелик. – Ты уже должен выйти из дома, а ты что делаешь? Дрыхнешь во все носовые завертки, идиотина!

– Не во все! – тут же заспорил Макс.

– Нет, во все! – продолжал орать Лелик, понимая, что без хорошей встряски Макс тут же упадет в постель и снова заснет. Такие печальные прецеденты уже

случались.

– Да встал я уже, встал, – заорал Макс. – Будят тут всякие в жуткую рань. Между прочим, я будильник завел. Причем судя по нему, – в трубке послышалось сопение, тяжелое падение тела, судя по звуку – тела Макса, после чего начал пищать электронный будильник, – мне еще спать оставалось минимум пятнадцать минут и сорок две секунды. Точнее, сорок одну. Уже сорок. Тридцать девять…

– Стоп! – закричал Лелик, понимая, что Макс от этого мерного пересчета снова заснет. Прецеденты уже случались. – Хорош считать! У тебя времени на все сборы остается – полчаса. Как это ты собирался вставать за пятнадцать минут до выхода? Что можно сделать за пятнадцать минут?

– Ну, лично я за пятнашку могу горы своротить, – заявил Макс. – Я же не такой толстый увалень, как некоторые.

– Не такой, – согласился Лелик. – Ты – вылитая сушеная вобла.

– Я – стройный молодой человек, – объяснил Макс. – А ты мне просто завидуешь.

– Макс, – решительно заявил Лелик. – У тебя полчаса на все сборы, а ты тут со мной препираешься. В самолете обсудим, вобла ты или глистообразный молодой человек. Иди быстро мыться и бриться. А то еще порежешься, как я, и придется дома сидеть, пока кровь не утихнет.

– Во-во, – развеселился Макс. – Нael ряшку – уже побриться нельзя, сразу кровь идет фонтаном.

– Я тебя не просил обсуждать мой обмен веществ, – разобиделся Лелик. – Тащи свои кости в ванную, только смотри, не переломись на пороге.

– Между прочим, – сказал Макс, – элементарная логика доказывает, что мне на мытье нужно в три раза меньше времени, чем тебе.

– Как это? – удивился Лелик.

– Да очень просто, – торжествующе ответил Макс. – Я же тоньше тебя раза в три, так?

– Так.

– Значит, рабочая поверхность моего тела меньше в три раза, так?

– Ну, в общем, так, – с сомнением в голосе сказал Лелик, – однако остается вопрос, что именно считать рабочей поверхностью. На мой взгляд, у тебя вся поверхность – сплошное безделье.

– А это значит, – продолжал Макс, не обращая на слова Лелика никакого внимания, – что мне требуется в три раза меньше воды для омывания всех участков моего тела и, следовательно, в три раза меньше времени. Чистая физика, братан, ты понял?

– Короче, – сказал Лелик, – шуруй омывать свое тело, и чтобы через двадцать минут стоял на углу. За нами Славик заедет.

– Прошу мне не приказывать, – высокомерно сказал Макс.

– Ах вот как ты заговорил! – возмутился Лелик. – Между прочим, на чьи деньги ты едешь – забыл? Я же из-за тебя в эту чертову Голландию собрался тащиться. Чтобы с тобой, буратиной, брак заключать. А ты тут еще кобенишься? Все, Макс, я разозлился. Снимаю тебя с довольствия пятой степени и перевожу на третью. Будешь знать, как бунтовать против капитана.

В трубке воцарилось молчание.

– Але, – сказал Лелик.

– Да тут я, – откликнулся Макс. – Я пытаюсь понять, что такое довольствие пятой и третьей степени. Надо же знать, чем я рискую.

– Пятая степень, – объяснил Лелик, – это завтрак, ланч, обед, полдник, ужин и в качестве бонуса – ночная пицца или еще что-нибудь в этом роде. Третья степень – сокращенный вариант: обед и ужин. Никаких полдников и уж тем более –

полуденного пива.

– А завтрак? – пискнул в трубку Макс, у которого от волнения перехватило горло.

– Если ночуем в гостинице, – объяснил Лелик, – там в стоимость номера входит завтрак. Континентальный завтрак – кофе, джем и булка. Если ночуем в поле – соси лапу. Или кури.

– Леля, – застонал Макс, – это бесчеловечно.

– Будешь знать, – ответил Лелик, довольный реакцией приятеля, – как бунтовать против меня, своего благодетеля.

– Леля, – взвыл Макс, – с невестой так нельзя обращаться!

– Сам знаешь, что ты фиктивная невеста, – объяснил Лелик. – Только для бумажки. А для бумажки нечего и стараться.

– Леля, я на колени упаду, – умолял Макс, – только не снимай меня с пятого довольствия! Хочешь, Маринку разбужу, и она тоже на колени упадет.

– Хочу, – сказал Лелик.

В трубке снова воцарилось молчание.

– Что ты сказал? – стальным голосом спросил Макс после паузы.

– Хочу, – повторил Лелик, – чтобы Маринка передо мной упала на колени. По телефону, конечно, – поправился он.

– Ах ты, старый козел! – разозлился Макс.

– Максик, ну что за выражения! – попытался урезонить его Лелик.

– Да засунь ты свои довольствия в… – заорал Макс, но Лелик быстро сказал:

– Через пятнадцать минут – на углу. Не опаздывай, – и повесил трубку.

«Какие нервные люди бывают», – подумал Лелик, но вдруг вспомнил, что до отхода осталось пятнадцать минут, а он еще весь в вате, как какой-нибудь паршивый Дед Мороз, а кроме того – почти не собран.

После этого по квартире стал метаться смерч по имени Лелик, который сначала запихивал в дорожную сумку все барахло, попадающееся под руки, затем выкидывал его обратно, потому что не хватало места для другого барахла, после чего выкидывал новое барахло, потому что не хватало места для старого барахла, одновременно с этим в двадцатый раз проверяя, положен ли паспорт, билет и кошелек в карманы куртки. Через тринадцать с половиной минут сумка была собрана. Причем надо отдать должное умению Лелика собираться – процентов двадцать вещей, которые там лежали, ему в поездке действительно могли понадобиться. Остальные восемьдесят, правда, к поездке никак не относились и были засунуты просто потому, что попались под руку, но главное – паспорт, билет и кошелек лежали в кармане куртки, а на остальное Лелику было наплевать слюнями с высокой башни.

Правда, Лелик, когда выходил из дома, надел совсем другую куртку, но ошибку обнаружил не в аэропорту, а у соседнего дома, поэтому успел вернуться и переодеться. Так что когда он подошел к углу, часы показывали опоздание всего на десять минут.

Между тем Славика на месте еще не было. Но это было не страшно. Страшнее было то, что Макса на месте тоже не было.

Лелик некоторое время потоптался на углу, посматривая в разные стороны, как будто ожидая, что вот-вот откуда-нибудь появятся Славик и Макс, однако они как в воду канули. Тогда Лелик вдруг испугался, что он все-таки не взял паспорт, билеты и деньги, после чего стал напряженно рыться по карманам. Он залез в один карман, другой, третий и похолодел, ничего в них не обнаружив. Тогда Лелик бросил сумку на землю и в отчаянии принялся выворачивать все карманы куртки. Наконец документы обнаружились во внутреннем кармане, куда Лелик полез в последнюю очередь. Облегченно вздохнув, Лелик поднял сумку с асфальта, посмотрел на часы и… принялся в голос костерить приятелей, которые опаздывали уже просто кошмарно. Они были просто на грани непопадания на самолет, твердил сам себе Лелик, ругая Макса со Славиком последними словами.

– Вот он, голубчик, стоит, как корова на ветру, – послышался насмешливый голос Макса.

Лелик резко обернулся и увидел приятелей, стоящих у другого угла здания.

– Где вы пропадаете?! – накинулся было на них Лелик, но Славик ему быстро объяснил, что это Лелик – недалекий тип с разжиженной памятью – задерживает всю компанию, потому что стоит не с той стороны дома. Произнеся свою тираду, Славик сделал Максу знак рукой, и они скрылись за углом, отправившись, как он крикнул Лелику, к машине, которая должна была отвезти их в аэропорт.

Лелик, проклиная все на свете, помчался за друзьями, по пути уворачиваясь от увесистой спортивной сумки, которая со страшной силой шлепала его по ногам.

Как выяснилось, для поездки в аэропорт Славик на работе вытребовал автомашину «Волгу», за рулем которой сидел мужичок пятой степени дряхлости.

– Знакомься, – сказал Славик Лелику, когда тот, тяжело дыша, дотопал до автомобиля. – Это наш водитель Виктор Парисович.

– Э… – сказал Лелик, несколько опешив от такого странного отчества, но затем нашелся и представился: – Лелик.

– Очень приятно, – сказал Виктор Парисович. – Кидайте сумку к ребятам, а то багажник сломан, и садитесь рядом со мной.

Лелик с ненавистью швырнул сумку прямо Максу на колени, отчего тот согнулся, как от приступа аппендицита, после чего плюхнулся на переднее сиденье и захлопнул за собой дверь. Виктор Парисович завел машину, которая задрожала, как престарелая лань при виде тигра, включил первую передачу и начал потихоньку трогаться с места.

– Кстати, – спросил Славик Лелика, – ты паспорт с билетом не забыл?

Лелик автоматически сунул руку во внутренний карман и похолодел: документов там не было. Неужели он случайно выронил их, когда искал в прошлый раз?

– Стоп! – истерично крикнул Лелик, водитель ударил по тормозам, машина дернулась и заглохла.

– Паспорта нет, – сказал Лелик страшным голосом.

– Блин, вот с ним всегда так, – разозлился Макс. – Ведь наверняка в каком-нибудь кармане лежит. Слав, – сказал он приятелю, – поехали. Лелик кошелек с документами укладывает первыми, а потом всегда их по двести раз ищет, сводя с ума и себя, и всех остальных.

Лелик между тем выскочил из машины и стал бешено рыться по карманам. Через пять минут документы обнаружились в заднем кармане брюк, куда Лелик их засунул для сохранности. Усталый, но довольный Лелик вернулся в машину.

– Вот они! – воскликнул он, потрясая паспортом с билетом. Водитель снова завелся, и они поехали.

– Дай их мне, пожалуйста, – сдержанно попросил Славик.

– Зачем? – подозрительно прищурился Лелик.

– Ну дай, дай, – сказал Славик.

Лелик нехотя протянул Славику паспорт с билетом, но кошелек отдавать ему не стал, а засунул ценную вещь в боковой карман куртки. Между тем машина медленно, но верно ехала в сторону аэропорта. Хотя, скорее, намного больше верно, чем медленно, потому что у Виктора Парисовича была довольно странная манера водить: он трогался с первой передачи, затем включал сразу четвертую и невозмутимо ехал на ней, не обращая внимания на протестующие звуки, которые издавала машина. Причем выше сорока километров в час он не разгонялся из принципиальных или религиозных соображений.

– М-да, – сказал Макс. – Плохо дело. Мы так и до завтра не доберемся. А у нас посадка уже объявлена.

– Да вы не волновайтесь, – благожелательно сказал Виктор Парисович. – Я в жизни никуда не опаздывал. Со мной всегда вовремя приезжают. А если и

опоздаем, то или самолет отложат, или его террористы угонят. Проверено.

Против этого возразить было нечего.

– Кстати, – вдруг оживился Макс, – мы машину заранее, наверное, не бронировали? А то ведь сегодня суббота. Мне брат говорил, что запросто нам может ничего не достаться, кроме какой-нибудь малолитражки. А я на малолитражке не поеду. Я гордый.

– Мы, – ответил Лелик, многозначительно подчеркнув это слово, – заранее ничего не бронировали. Но я, – также многозначительно сказал он, – заказал машину через Europcar. Интернет, друг мой, не просто так существует.

– Отлично, – обрадовался Макс. – Чур я веду!

– Нет я! – сказал Славик. – Я дорогу знаю и за границей хорошо ориентируюсь.

– Да ты водить не умеешь! – возмутился Макс. – У тебя стаж вождения – только на «семерке» «Жигулей». Тебе нормальную машину и доверить нельзя – враз разобьешь. Нормальная машина – это тебе не «Жигули». Моща так и прет. Если такой движок в «Жигули» поставить, то его просто пополам разорвет!

– Ой, вы его только послушайте, – возмутился Славик. – У тебя же вообще машины нет. А я за рулем уже пять лет. Ну да, на «Жигулях». Ну и что? Зато я привык к экстремальной езде. Ты на «Жигулях» зимой катался? А я все время езжу. Иностранца если за них зимой посадить, он через пять минут умрет, точно тебе говорю!

– А мне брат давал на «Ауди» покататься, – продолжал спорить Макс. – Так что у меня есть практика.

– Помнится, ты же рассказывал, как этой «Ауди» весь бок помял об какой-то «Камаз» – прищурился Славик. – И как брат тебя потом долго колотил башкой сначала об «Ауди», а потом о водителя этого «Камаза».

– Ну и что, – обиделся Макс, – это был форс-мажор. У всех на дороге бывают форс-мажоры. Зато я теперь опытный. За границей все эти «Камазы» буду за

версту объезжать.

– Слушаю я вас и прямо любуюсь, – спокойно сказал Лелик.

Спорщики замолчали.

– А что? – осторожно спросил Славик.

– Да ничего, – пожал плечами Лелик. – Машину мы будем брать по моей кредитке, поэтому – ясное дело – я за руль никого, кроме себя, не пущу. Ты, Славик, будешь указатели разглядывать и штурманить, а Макс…

– А я? – обидчиво спросил Макс.

– Тебе тоже работу найдем, – пообещал Лелик. – Будешь стекла протирать и водичку в бачок наливать.

– Значит как Славик – так штурман, а как я – так уборщица? – совсем разобиделся Макс.

Лелик неопределенно пожал плечами. Мол, дружок, если твоя доля такая, так нечего и обижаться.

– Понятно, – сказал Макс, и в голосе его послышалась вся мировая скорбь. – Хорошее у меня свадебное путешествие получается.

– Так вы едете брачеваться? – неожиданно обрадовался Виктор Парисович, который от волнения так сильно надавил на педаль газа, что древняя «Волга» спазматически задергалась и выдала аж шестьдесят километров в час.

– Увы, – печально ответил Макс.

– Невеста ждет в аэропорту? – продолжал интересоваться Виктор Парисович, даже не обращая внимания на то, что его машина достигла каких-то неимоверных скоростей и дрожит так, что скоро может развалиться просто на ходу.

– Вон она, невеста, на переднем сиденье развалилась, – злобно ответил Макс, даже не подумав о последствиях. А они появились очень быстро, потому что водитель за какие-то две минуты переварил информацию, осознал ее и вдруг резко ударил на педаль тормоза. Хорошо еще, что «Волга» не умела мгновенно останавливаться, поэтому сначала стала вихлять задом, как непристойная женщина, затем задрожала всем телом и только после этого притормозила у обочины.

Славик гневно посмотрел на Макса и выразительно постучал себя рукой по лбу. Ему, конечно, вовсе не улыбалось, чтобы вся работа потом сплетничала по поводу того, с кем и по какой причине он поехал за границу. Но Макс в ответ только пожал плечами – мол, что тут такого, я же правду сказал…

– Да не волнуйтесь вы, – сказал Лелик. – Мы не голубые. Это фиктивный брак, чтобы он мог за границу выехать. Вы и сами посмотрите, разве я могу жениться на таком придурке?

– Ой, можно подумать, – сказал Макс, – что я в здравом уме выйду за эдакий бочонок.

– Да я и не волнуюсь, – сказал Виктор Парисович. – Мне вообще все равно – голубые вы или какие-нибудь фиолетовые. Я за всю жизнь таких перевозил – вам и не снилось. Помню, один раз…

– Дядя Витя, – решительно сказал Славик, – так мы чего остановились-то? У нас посадка уже объявлена.

– Не видишь, дождь пошел, – сказал дядя Витя, крайне недовольный тем, что прервали его волнующий рассказ.

– И что? – бестактно спросил Славик.

– У меня дворники не работают, – объяснил дядя Витя. – Поэтому нужно принять меры.

Меры были приняты довольно своеобразно. Дядя Витя из-под сиденья достал веревочку, связал ею дворники на переднем стекле, один свободный конец

через раскрытое окно забросил к себе, а другой протянул Лелику через его боковое окно.

– Боже мой, что это? – спросил Лелик.

– Гениальное изобретение, – объяснил дядя Витя. – Сначала я за веревочку тяну к себе, а потом вы к себе. И дворники будут очищать. Тогда мы сможем ехать.

– Хорошо еще, – пробормотал Лелик, беря в руки веревочку, – что движок пока работает. А то бы пришлось туда Макса засовывать.

– Между прочим, – сказал Макс Славику, – поездка только начинается, а он меня уже шпыняет со страшной силой. Что дальше-то будет?

– Девочки, не ругайтесь, – миролюбиво сказал Славик.

Машина тронулась и потихоньку поехала. У Лелика поначалу не очень получалось войти в нужный ритм с дядей Витей, однако чуть позже он привык, и к аэропорту машина подъехала настолько лихо болтая дворниками, что стоящий на посту гаишник, увидев эту потрясающую картину, от неожиданности даже отдал честь.

– Видали, – спросил Макс приятелей, – как меня гаишники встречают? Даже честь отдают.

– Ну да, ну да, – язвительно ответил Лелик. – Прям так и заглядывают в окна – неужели сам Максюта к нам в Шереметьево пожаловал? Что-то его давно видно не было. Не отдать ли нам по такому поводу честь?

– Ну и кому они тогда честь отдают, – обиделся Макс, – тебе, что ли?

– Они отдают честь манере езды дяди Вити, – объяснил Лелик, – и его гениальным дворникам на веревочке. Даже они, гаишники, которые уже все повидали в этой жизни, такого еще не встречали.

– Точно, – ответил довольный дядя Витя. – Я поэтому их и не чиню уже месяца три. Все время гаишники честь отдают и не штрафуют. Верите ли, один даже

прослезился, когда меня увидел.

– Кхм-м… – хмыкнул Лелик. – Дядь Вить, а когда ты один едешь, то как выходишь из положения?

– Очень просто, – охотно объяснил дядя Витя. – Сам за обе веревочки дергаю.

– Не понял, – сказал Лелик. – Тогда же две руки будут заняты. А рулить чем?

– Руль зажимается между коленями, – открыл свою жуткую тайну дядя Витя. – Я уже наловчился.

– Понял, – сказал Лелик. – Спасибо за консультацию. Я теперь улетаю за границу просветленный. Есть еще Кулибины в русских селениях.

– Точно, – совсем загордился дядя Витя. – У меня и фамилия почти такая.

– В каком смысле? – не понял Лелик.

– В смысле фамилии, – объяснил дядя Витя. – Моя фамилия – Кудричкин. Почти Кулибин.

– Интересно, – вмешался в их увлекательную беседу Славик, – вы тут до завтра будете обсуждать автомобильные вопросы? У нас посадка давно идет.

– Точно, – спохватился Лелик и стал открывать дверь машины.

Друзья вылезли, подхватили свой багаж и стали прощаться с дядей Витей.

– Дядь Вить, – спросил Лелик, пожимая руку народного умельца, – а можешь напоследок еще одну тайну раскрыть?

– Элементарно, – сделал приглашающий жест рукой дядя Витя.

– Почему ты не пользуешься второй и третьей передачей? – поинтересовался Лелик, понизив голос. – Они же должны там быть, я точно знаю.

– Силы экономлю, – так же тихо ответил дядя Витя.

– Чьи? – не понял Лелик.

– Мои, – ответил дядя Витя. – Ведь если весь день туда-сюда рукоятку дергать, артрит можно заработать. А так я четвертую воткнул – и не парюсь.

– Тогда зачем первую все-таки используешь? – полюбопытствовал Лелик.

– С четвертой не трогается, – сокрушенно ответил дядя Витя. – Глохнет, падла. Я уже пробовал.

– Все, – сказал Лелик, – вопросов больше нет. Спасибо за науку.

– Не за что, завсегда рады, – ответил дядя Витя. – Удачно вам обжениться.

Лелик еще раз пожал руку дяде Вите и побежал вслед за друзьями, которые уже скрылись в здании аэропорта.

Внутри, как обычно и бывает в субботу утром, стояла жуткая толкотня. Народ с выпученными глазами и грудами багажа носился туда-сюда, размахивая декларациями, одновременно дикими криками созывая своих родственников и провожатых.

– Какой ужас, – сказал Макс. – Прям какое-то новгородское вече. Нас тут не затопчут?

– Так ты что, здесь первый раз, что ли? – удивился Славик.

– Конечно, первый, – рассеянно сказал Лелик. – Он же за границей ни разу не был. На какие шиши ему туда летать?

– Вот и неправда, – заспорил Макс. – Меня брат один раз в Египет вывозил. Я же тебе рассказывал, как мне там верблюд прямо в рожу плюнул.

– Слав, зря мы все-таки его с собой взяли, – сказал Лелик. – С ним в Москве-то одни проблемы, а за границей вообще будет полный кошмар.

– Без него поездка не имеет смысла, – ответил Славик, – потому что я за тебя замуж точно не пойду.

– Так-то оно так, но у меня плохие предчувствия, – вздохнув, сказал Лелик. – Ты сам подумай, ну в кого еще верблюд может плюнуть?

– В тебя бы он тоже плюнул в такой ситуации, – сказал Макс. – Его араб по заду палкой огрел.

– Зачем? – удивился Лелик.

– А я откуда знаю? – сердито ответил Макс. – Он какой-то треканутый был, этот араб. Я ему флажок подарил, а он после этого сделал такую гадость…

– Небось флажок был израильский? – пошутил Лелик.

– Ну да, – ответил Макс совершенно серьезным тоном.

– Не понял, – сказал Лелик. – Ты подарил арабу израильский флажок? Зачем?

– Чтобы крепла дружба арабского и еврейского народа. Меня этот вопрос очень волнует. У Маринки бывший муж в Израиль уехал и там сражается, – ответил Макс патетичным тоном.

– Макс, – сказал Лелик. – Я тебя сколько лет знаю, но все никак не могу понять: у тебя действительно мозги не в ту сторону работают или ты просто так долго перед всеми выдуривался, что придурел окончательно?

– Человека творческого обидеть может каждый, – сказал Макс, надувшись.

– Подожди, – сказал Максу Славик, – так ты за границу не отсюда летал, что ли?

– Нет, – ответил Макс. – Из Шереметьево-1. Там намного лучше – нет такой толкотни.

– Ладно, – сказал Лелик, – хватит трепаться, побежали декларации заполнять.

Однако это легче было сказать, чем сделать. Во-первых, побежать они при всем желании не могли, потому что в такой толпе можно было передвигаться только небыстрым шагом. Во-вторых, когда друзья пришли к месту заполнения деклараций, выяснилось, что все русскоязычные бумажки разобраны, а достать можно только бланки на английском, немецком и французском языках. Славик с Леликом схватили англоязычные декларации, поставили Макса буквой «Г», потому что все столы были заняты, и стали на его спине заполнять бумажки.

– Я так и знал, что меня будут иметь как девочку и даром, – застонал Макс, когда спину начали использовать в качестве стола.

– Пострадать за отечество – это счастье для человека, – назидательно сказал ему Славик.

– Во-во, – подтвердил Лелик, чертыхнувшись, когда ручка на мягкой Максовой спине прорвала бланк. – Должна же от тебя быть хоть какая-то польза…

Наконец декларации были заполнены, и Славик с Леликом пошли занимать очередь на регистрацию. Макс попробовал было намекнуть, что теперь кто-то из них должен подставить свою спину, чтобы он в свою очередь мог заполнить декларацию, однако и Лелик, и Славик вежливо ответили на это предложение «No. Thank you!» и гордо удалились, поэтому Максу пришлось заполнять декларацию, приложив ее к стеклянной витрине какого-то ларька…

Народу на регистрацию было очень много, но таможенники работали довольно шустро, и очередь продвигалась быстро. Так что Макс присоединился к друзьям уже тогда, когда до стойки оставалось буквально пять человек.

– Ну-ка, – сказал Лелик Максу, – давай сюда твою декларацию. Посмотрим, чего ты там накалякал.

– Прошу, – ответил Макс и гордо протянул свой листочек.

– Пардон, – сказал Лелик, взглянув на бланк. – Это же на французском. Ты зачем на французском заполнял?

– А мне пофиг, – ответил Макс. – Я все равно ни одного языка не знаю. А французский Маринка учила и со мной делилась. Я даже помню выражение «пердю монокль». Это значит «видел я вас всех в гробу».

– Ничего подобного, – ответил Славик. – Это означает «потерянный монокль». Я французский немного знаю.

– Ну раз знаешь, тогда и проверяй его бредни, – решил Лелик, протягивая Славику бланк. Славик спорить не стал, взял листок и углубился в его изучение.

– Макс, – вдруг сказал Славик через минуту. – У тебя вообще как с головой?

– С головой хорошо, – ответил Макс. – Я так думаю, что без головы мне было бы намного хуже.

– Значит, ты этой головой обо что-то сильно ударился. Возможно, еще в детстве, – поставил диагноз Славик.

– Что случилось? – всполошился Лелик. – Макс разучился писать?

– Наоборот, – сказал Славик. – Переучился. Он в графе «наркотики» нацарапал «упаковка».

– Где? – заволновался Макс. – Ни о каких наркотиках я ничего не писал. Там вообще про них не спрашивали.

– Вот, – сказал Славик, тыча пальцем в соответствующий пункт декларации. – Читай, что написано напротив пункта «La drouge».

– Напротив пункта «драже» написано «упаковка драже», – ответил Макс. – У меня в кармане упаковка драже. Чтобы сосать. Лелик же сказал, что все надо писать, чтобы не придирались…

Славик с Леликом посмотрели друг на друга и скорбно вздохнули.

– Он всю декларацию так заполнил? – спросил Лелик Славика.

– Ну да, – ответил тот. – Нас с ней тут же арестуют, выведут за сортир и расстреляют, потому что все равно вышка светит.

Лелик ничего не ответил, а только взял у Славика декларацию, эффектным жестом порвал ее на мелкие кусочки и засунул их Максу за шиворот. Тот стоял смирно и почти не сопротивлялся. После этого Лелик сам отправился к стойке с декларациями, взял там английский вариант, вернулся в очередь, снова заставил Макса встать в позу небольшого журнального столика и заполнил за него бумажку, задавая наводящие вопросы. За это время пришлось пропустить вперед себя человек десять, так как их очередь уже давно подошла. Лелик, воспользовавшись удобной позой, в которой стоял Макс, пару раз пнул его в соответствующее место, указав на то, что из-за него они теперь вынуждены пропускать свою очередь.

– Слышь, Лелик, – возмутился Макс, – давай что-нибудь одно: или меня используют как стол, но тогда не пинают, или пинают, но не используют как стол. Даже у самого бесправного существа должны быть хоть какие-то права.

– Ты сначала французский выучи, – сказал Лелик. – А то так и будешь покупать драже вместо наркотиков.

– Я люблю драже, – сказал Макс. – Я его даже больше наркотиков люблю, потому что оно стоит не в пример дешевле, а в башку шибает, особенно если его с водкой употребить.

– Макс, – сказал Лелик строго, – ты опять вчера пил какую-нибудь мерзость? Я такого потока идиотизмов от тебя уже месяца два не слышал.

– Я пил коктейль «Дранг Нах Остен», – признался Макс. – В преддверии поездки в Германию.

– А что за коктейль? – заинтересовался Лелик и даже заглянул «под стол», чтобы лучше слышать.

– Драже растворяется в водке и пьется под любимую песню Гитлера, – объяснил Макс.

– И какая, интересно, у Гитлера была любимая песня? – заинтересовался Славик, который прислушивался к этому разговору.

– Игловская «Отель Калифорния», – ответил Макс.

– Что ты гонишь? – возмутился Славик. – Ее написали годах в семидесятых.

– Ну и что? – невозмутимо ответил Макс. – Это и есть моя любимая песня Гитлера.

– У меня сейчас крыша поедет от этих разговоров, – признался Лелик. – Макс сегодня явно в ударе.

– Надо его чем-нибудь отвлечь, – сказал Славик, – а то у нас обоих крыша поедет и отряд останется без командования. Может, купить ему что-нибудь выпить?

– Я за! – отреагировал Макс, на спине которого Лелик дописывал декларацию.

– Пока в самолет не сядем, никаких выпить, – сурово заявил Лелик. Макс замолчал.

Наконец декларация была заполнена. Друзья быстро прошли через первого таможенника (тот одним глазком глянул на их паспорта и билеты, а декларации даже и не читал), потолкались у стойки регистрации, где с облегчением выяснили, что их вылет задерживается на полчаса, получили в паспорта штампик о выезде и пошли в зону вылета.

– А теперь, – весело скомандовал Макс, – бежим в «дюти-фри».

С этими словами он побежал в магазин. Славик с Леликом остались на месте. Через две минуты Макс, увидев, что его веселому призыву никто не последовал, прибежал обратно.

– Ну где вы? – недоуменно спросил он. – Надо же затариться в дорогу.

– Затаривайся, – безразлично сказал Лелик.

– У меня денег нет, и ты это прекрасно знаешь, – сказал Макс с достоинством лорда, рассказывающего премьер-министру о том, что он вчера проиграл в бридж родовое поместье.

– Ну, значит, не затаривайся, – невозмутимо сказал Лелик.

– Лелик, – разозлился Макс, – если ты меня намерен всю поездку попрекать деньгами, то я лучше сразу обратно вернусь. Тем более что Маринка на вечер обещала голубцы сделать.

– Максик, – любезно ответил Лелик, – я тебя ничем не буду попрекать, если ты прекратишь командовать. В этой поездке я – капитан корабля и главный спонсор. Славик – штурман с совещательным голосом.

– А я кто, – заинтересовался Макс, – боцман?

– Еще скажи Кацман, – ответил Лелик. – Ты простой матрос. Причем в лучшем случае. В худшем – юнга. Поэтому выполняй указания и ешь, что дают.

– Хорошо, – уныло ответил Макс. – Буду пить, что нальют.

– Договорились, – сказал Лелик. – Поэтому действуем так: находим наш гейт, усаживаем там тебя с вещами, после чего мы со Славиком идем в «дюти-фри».

Макс скривился.

– Но если ты себя будешь хорошо вести, – продолжил Лелик, – тебе в полет будет куплена дорожная бутылочка «Столичной».

– Тогда уж «Джони Уокер», – мгновенно сориентировался Макс.

– Договорились, – сказал Лелик. – Они все равно стоят одинаково.

В самолет они загрузились без приключений, расселись по местам и приготовились к полету. Максу была выдана небольшая бутылочка с виски и минеральная вода, из которых он тут же принялся сооружать свой «Дранг Нах Остен», заявив, что этот коктейль он может с легкостью приготовить из любых ингредиентов. Лелик ничего не пил, потому что ему предстояло вести машину, и Славик тоже ничего не пил, так как он надеялся, что Лелик даст ему порулить. Поэтому друзья достали карты, откинули один столик и стали играть в преферанс «с гусариком».

Через полчаса после взлета Макс решил, что он уже достаточно умиротворен алкоголем и ему теперь пора чем-нибудь себя развлечь.

– Ну что, друзья, по пять баксов за вист? – громко обратился он к Славе с Леликом.

– Отстань, – не глядя на него ответил Лелик. – Не видишь, что мы играем без тебя?

– Тем более, – подхватил Славик, – что я с ним в жизни в преф играть не сяду. Он на любой карте мизер объявляет.

– Ну и что? – спросил Лелик. – Ловить его, и все дела.

– Ловить-то не проблема, – объяснил Славик, – но он же не расплачивается никогда. Вот и получается не игра, а какой-то идиотизм.

– У меня просто рисковая натура, – заявил Макс.

– Это у нас рисковая натура, – сказал Славик, – раз мы тебя в поездку взяли.

Макс обиделся, отвернулся от ребят и зачем-то полез в свою сумку.

В этот момент к ним подошла стюардесса и предложила прохладительные напитки: минеральную воду, соки и вино.

– Мы все будем вино! – среагировал Макс так быстро, что ребята не успели даже рты раскрыть.

Стюардесса налила три стаканчика вина, и Макс забрал их к себе на столик.

– Куда тебе столько выпивки? – возмутился Лелик. – Я тебе что – мало виски купил?

– Конечно, мало, – ответил Макс. – Выпивки много не бывает.

– Алкаш, – сказал Славик, но Макс в ответ промолчал и снова полез в свою сумку.

– Сейчас Макс достанет из сумки базуку, – сказал Славик Лелику, – и перестреляет нас всех по одному. Он, типа, обиделся.

– Если ты думаешь, – злобно сказал Макс Славику, роясь в сумке, – что Лелик растает от твоего омерзительного подлизывания и даст порулить, то ты сильно ошибаешься.

– Точно, – согласился Лелик. – Руль я никому не доверю. Сразу предупреждаю, чтобы не было разночтений.

– Не понял, – возмутился Славик, – а какого черта я тогда ничего не пью, раз меня за руль все равно не пустят?

– Почем мне знать? – пожал плечами Лелик. – Я тебе не запрещаю. Но только сильно не напивайся, а то тебе штурманить, и как бы мы вместо Голландии не уехали куда-нибудь в Польшу.

– За меня не беспокойся, – заверил его Славик и быстро взял два стаканчика с вином со столика Макса. – Я себя всегда в руках держу.

– Эй, – возмутился Макс, – куда забрал мое вино? Я на него уже настроился.

– Придется обратно расстроиться, – холодно сказал Славик, прихлебывая из стаканчика. – Тебе полезно.

Макс допил свой стаканчик, совсем разобиделся, снова полез в сумку и достал оттуда какую-то картонную коробку.

– Это что? – заинтересовался Лелик. – Самодельная бомба?

На этих словах люди, сидящие на предыдущих креслах, обернулись и внимательно посмотрели в сторону приятелей. Лелик бросил взгляд на Макса и подумал, что приятель, в общем-то, вполне похож на изможденного наркотиками террориста.

– Это пазл, – громко сказал Макс, показывая коробку всем заинтересованным. – Игра такая. Картинку из кусочков собирать.

Пассажиры разочарованно, как показалось Лелику, отвернулись.

– Ну и зачем ты ее достал? – удивился Славик.

– Собирать, – невинно ответил Макс. – Вы же без меня играете, а мне скучно.

Лелик слегка обалдел. Он за годы общения с Максом ко многому привык, но все равно приятель ухитрялся периодически ставить его в тупик.

– Ты хочешь сказать, что будешь собирать пазл в самолете? – спросил он Макса.

– Ну да, – ответил тот.

– Но самолет же периодически потрясывает, – продолжал допытываться Лелик, который всему любил найти хотя бы какое-то разумное объяснение. – У тебя все развалится. Кроме того, куда ты все это денешь, когда мы сядем? Снова разберешь и сложишь в коробку?

– Спокойно, Маша, я Дубровский, – важно ответил Макс. – Все учтено великим ураганом. Партия все продумала.

– Макс, – сказал Лелик, – можно тебя попросить не изъясняться штампами? Они меня раздражают. Так что там надумала партия?

Макс вместо ответа открыл коробку, и Лелик со Славиком увидели в ней лист ватмана, сложенный пополам, и тюбик клея «Момент».

– Мощный ум, – раздуваясь от гордости, сказал Макс, – не пропьешь. В нужный момент он все равно сработает.

– Так и чего надумал мощный ум? – поинтересовался Лелик.

– Берем ватман, – сказал Макс, доставая лист и разворачивая его. – Подбираем соответствующий кусочек мозаики. После этого приклеиваем его. И все дела! Самолет может хоть петлю Нестерова делать. А после посадки я листочек складываю и засовываю обратно в коробку. Как идея?

– Потрясающе, – сказал Лелик. – А если ты кусочек случайно не на место поставишь? Такое с этими игрушками часто бывает.

– Только не у меня, – заявил Макс. – Я все ставлю туда, куда нужно. Засекайте время, еще до посадки пазл будет собран. Мы его затем в отеле будем на полочку ставить, чтобы ощутить теплое дыхание дома.

Лелик хмыкнул, но вслух ничего говорить не стал. Вместо этого они со Славиком вернулись к своему преферансу, а Макс углубился в пазл.

Через пять минут со стороны окна, где сидел Макс, послышался треск раздираемой бумаги.

– Что такое? – поинтересовался Лелик.

– Пазульку, блин, вверх ногами приклеил, – пожаловался Макс. – Пришлось отдирать. Но ничего. У меня кусочек бумажки есть в запасе. Подклею снизу – ничего видно не будет.

Лелик снова хмыкнул и вернулся к преферансу. Но через минуту со стороны Макса снова послышался шум.

– Опять вверх ногами приклеил? – поинтересовался Лелик.

– Нет, – признался Макс, – это все тот же кусок. Я его перевернул, приклеил, так оказалось, что он вообще из другого места. Опять пришлось отдирать.

Тут вместе с Леликом хмыкнул и Славик. Но Макс заявил, что это был классический форс-мажор, вызванный внезапной турбулентностью, и что его стройная теория по-прежнему верна. С этим никто спорить не стал, и Макс продолжил свое увлекательное занятие.

Шум разрываемой бумаги доносился до преферансистов все чаще и чаще, однако они перестали обращать на него внимание. Через полчаса Макс потребовал у игроков бумаги, чтобы подклеить очередную прореху в ватмане, и им пришлось отдать ему половину своего игрового поля. Но и этого запаса Максу не хватило. Тогда он вызвал стюардессу и попросил принести ему что-нибудь бумажное. Стюардесса в рейсах всякого насмотрелась, поэтому не удивилась, а просто ушла, не задавая лишних вопросов, и затем вернулась с пачкой газет. Макс обрадовался и взялся за свой пазл с новыми силами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/eksler_aleks/svadebnoe-puteshestvie-lelika

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити